
ПОЭЗИЯ

Александр Хадарцев
(г. Тула)

PERSONALIA

Хмельнуло дымом по-осеннему
под желтый хруст опавших листьев...
Перед дорогою присели мы,
чтоб помолчать в дымах смолистых...

И, будто листья эти — инеем,
нас сединой пообметало...
Под перекрестием осиновым
светились души вполнакала...

Взбелив покой дорог сугробостью,
пурга костры припорошила,
сдавалась осень с женской робостью
на милость зимнего ветрила.

Пускай близка победа зимности,
но безусловно утверждение,
что в человеческой взаимности
победа — это поражение.

Вот почему, прощаясь с дымностью,
присядем перед дальним странствием.
Приметы с их большой наивностью
распространяются в пространстве.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви,

которую у изголовья
один оставшись,— не лови!

Нахлынет боль волной цунами,
слизнув заботы естества,
разрушит все, что между нами,
и будет, видимо, права.

Она впивается в живое,
терзает в ключья белый свет,
предвосхищая ночь покоя,
ту, за которой слово: «Нет!»

Вкусив отраву лицемерья,
съев безразличия плоды,
вступаем в полосу безверья
и ожидания беды.

Но грешникам — одна награда:
не слышать хора алиллуй.
Сильней лекарства нам не надо,
чем жарко-нежный поцелуй!

Презрев опасность малокровья —
врача на помощь не зови!
Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви!

* * *

В детстве зарождается наследие
и оно всегда по жизни с нами:
юность — с совращенными миледями,
старость с развращенными б..дями.

Жили мы с отвагой Д'артаньяновой,
честности Атосовой верны,
по Портоски были в стельку пьяные,
Арамисской нежностью полны.

Наши немудреные Констанции
(королевам вовсе не родня)
завлекали верностью и танцами,
в обрученье дальнее маня.

Ну, а мы — сражались Дон-кихотами
с ветряками самых разных дел,
лезли в горы, парились субботами,
пробивались с боем в запредел.

Но вершины бело-недоступные
на закате — так же далеки...
Как пути в небытие запутаны
тропы на большие ледники.

Детством порожденное наследие
нашими исправится руками.
Жизнь — она Констанции-миледева,
главное самим не быть б..дями.

ВЕЗУВИЙ

Небо застелили тучи пепла...
гул басовый над Землей повис.
Красно-черным полыхнуло пекло,
жаром опаляя верх и низ...
Рухнула великая Помпея,
отпечатав в лаве облака.
Изверженьем сплавлена каменя
предостереженья на века.
Не тревожьте заспанный Везувий!
Не будите чувств его накал!
Видите — он бровь опять насупил!
Слышите — опять загрохотал!
Кратер не наполнится слезами,
потому что будет новый взрыв.
Люди в бедах виноваты сами,
устремляясь к небу на прорыв.
Смесь воды с огнем взбелится паром,
превратится в уголь нежность тел,
и вселенским гибельным пожаром
озарится новый беспредел...
Не найти потухшего вулкана!
Таковым он может только слыть.
Ветеранство — участь великана,
но не суждено ему — не быть!
Пики мыслей приукрыты ленью,
а под ними — дел солнцеворот,
и страстей кипящему бурлению
пламенный готовится проход.
Океана бесполезна сила
в обуздании мощности огня.
Просто лава временно застыла,
изверженья под собой храня.
Мы с тобой везувие-вулканны,
огнесловьем вечности полны,
в этом мире отношений странных
затухать, ей-Богу, не должны!

ЖИЗНЬ

Детство пахло молоком топленным,
свежестью арбуза и реки,
хвойным лесом солнцем озаренным,
теплым светом маминой руки.

Юность пахла потом стадионов,
снегом покорившихся вершин,
жаркой ночью, лаской первых стонов,
скоростью несущихся машин.

Зрелость пахла каждодневной схваткой,
болью многокочных палат,
книжками, любвишками украдкой,
звонами бессмысленных наград.

Старость — вроде и ничем не пахнет,
разве только хвойностью венков,
ожиданием, что вот-вот — шарахнет
черной рамкой некроложьных слов.

Но у внуков — свой молочный запах,
юность начинается опять.
Три медведя держат в крепких лапах
вечности скрипящую кровать.

ПРО «ЕЩЕ» И «УЖЕ»

Про «**еще**» и «**уже**» — понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что **еще** — не закончена наша дорога,
что **уже** — середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом — есть и вопрос и ответ.
Называется первый период — нормально,
в ожидании дел: «**Еще нет!**»

Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И **еще** не проставлены круглые даты,
потому что далек юбилей.

У второго периода — имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».
Это — время отсутствия в жизни покоя,
а название ему — «**Уже — да!**»

Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты **уже** различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.

Ты **уже** познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надежной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,
светишь людям, сгорая свечой...

Ну, а третий период — приходит на взлете,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты — в каждодневной работе.
И название ему — «**Еще да!**»

Есть **еще** те, кто любит, но стало их мало,
пусть **еще** не погашен задор.
Пресыщения жизнью **еще** не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвертый период — не стоит ломиться —
под названием тупым: «**Уже — нет!**»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть — протертость еды на обед...

Так что третий период — пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам — ни много, ни мало, но только — побольше!
И пускай говорят: «**Еще да!**»

* * *

Поредели волосы,
побелели бороды,
поистерлась кожистость
черных пиджаков.
Но своими мыслями
мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
ресторанный гам.
В траурных каемочках —
много наших в рамочках
удалились в вечности
всеприимный храм.
Только обучаемость
с возрастом снижается,
марши похоронные
нас не устршат!

Потому, как в юности,
 кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
 как про шестьдесят!
До войны рожденные,
 и в войну зачатые,
возрастом равняемся,
 но — на молодых!
Вспоминаем армию,
 как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших,
 на плацах пустых.
Танцплощадки круглые,
 в горсадах из прошлого.
Это — не теперешний
 сполох дискотек!
И, пускай не видится
 ничего хорошего,
мы всегда уверены
 в бесконечьи рек.
Первый тост — за будущность!
 Тост второй — за здоровье!
Третий тост — за молодость
 и прекрасных дам!
За друзей доверие!
 За простое правило:
где в тебе нуждаются,
 быть, конечно, там!

ДАМСКИЙ КОЗЫРНОЙ ПРАЗДНИК

Длиннеют дни и коротеют ночи,
весна стремится в хлюпающий март...
коты перед сраженьем когти точат,
весенним нюхом чувствуя азарт.

Не знаю, что хотела Клара Цеткин,
о чем мечтала Роза Люксембург,
восьмого марта выпустив из клетки
международность пламенных подруг?!

Быть может, меж собой свои проблемы
им было невозможно разрешить,
и захотелось безысходность темы
на плечи женщин мира возложить?

Случайных нет последствий сотворенья!
И даже политический проект —
вдруг сам собой меняет назначение,
рождая неожиданный аспект!

Так и случилось с днем восьмого марта,
поскольку должен был случиться день,
в котором Дама — козырная карта!
Да и Король — не просто дребедень!

Ведь женщина всегда сильна мужчиной,
который рядом в снах и наяву!
С ним — кризисы не могут стать причиной,
чтобы не удержаться наплаву!

И Женский день — всегда Мужской немножко!
Инь-Янского единства результат!
Кот мартовский и мартовская кошка —
всегда в друзьях, как много лет назад!

Но верховодит, явно, праздник — женский,
весна в нем гулеванит и бурлит.
Цветочный дух гламурно-деревенский —
мимозовость на улицах желтит...

Толпятся за подарками мужчины,
пытаясь чем-то женщин удивить!
Но точно знают: нет такой вершины,
которой можно даме угодить!

Поэтому дарю я им подснежники,
как знаки возрождения весны,
слова простые и упруго-нежные,
а ночью — эротические сны!

Дарю своих друзей воспоминанья!
Здоровья всеобъемлющий флакон!
Желая им всеобщего признанья
и красоты со всех своих сторон!

Надежда Ма Динь
(г. Кемерово)

БОЖЕ, КАК ТЫ ХОРОША

*Живет в г. Кемерово. Окончила Кемеровский госуниверситет, ф-т РГФ. Печата-
лась в областных газетах, альманахе «Огни Кузбасса», антологии «Русская сибирская
поэзия»; лауреат в номинации «поэзия» 2008 г. журнала «Московский Парнас».
Ма Динь — фамилия восемь столетий правившей династии императоров Вьетнама.
Но... это уже история и страницы в учебнике, как пишет Надежда Прокофьевна.*

Боже, как ты хороша,
Жизнь на вздохе и на взлете...
Все еще не знаю,— кто ты,
Но хочу тебя прижать
Льдом — к виску и к сердцу — счастьем,
Ливнем жарким за спиной,
Нам еще делить с тобой
Все взыскующие власти
Шагом, окликом, молчаньем
В этом круге тишины...
Это мы с тобой — больны
Сумасшедшим расставаньем.
Слезных просек вдоль сердец
С каждой ночью — больше, больше,
Стали дни совсем — короче,
Хорошо, что есть конец.
Без него-то, как же, боже:
Весь пчелиный сладкий мед
Я кому отдам, прощаясь,
Ничему — не удивляясь,
Уходя за горизонт?

* * *

И поднял Ангел руку и сказал:
«Вам места нет на этом свете,
Поднимет вас дыханьем ветра
И разобьет о гребни скал.
Рассыплет по полу листвою,
В игольное ушко протащит,
А души праведников свяжут
Кошунство и земной разбой.
Но здесь, как раньше,— нет чудес,

Ни бога, свергнутого вами,
По ветру — вспыхнете слезами
Сквозь пепел выстраданных мест.
Окрест — лишь голая тоска,
Меняющая ваши души,
Разбитые осколки суши,
Качающиеся берега
Рек, полных горестных ночей
И дней, растраченных впустую,
Молитв, произнесенных всуе
Всех сыновей и дочерей,
Всех, кто счастливых врачевал,
Ждал милости, как наказания...
На этом свете расставанья
Я лишь из жалости — украл»

* * *

Сна ли воды голубые,
Зимы — вдаль, вся осень в дверь,
Стали мы совсем другие,
Хочешь, верь или не верь.
Хочешь — плачь, как плакал раньше,
Вырви сердце. И — молчи.
Только небо, боже, дальше,
Только праздные ключи
Все гремят, не отворяя
Ни сердец, ни черных зим,
Только осень золотая —
Снами с выцветших витрин.
Лист кленовый в ноги бросит,
Изморозью — опалит,
Здесь не счастья утром просят
У холодных мертвых плит:
По глотку — вчерашней жизни,
Жаркой, жадной, стуком в дверь...
Не в чести — былые тризны,
Как и рубища потерь.
Как холодный серый ливень
Сквозь потемки до утра,
Только небо, боже, — сине,
Говорит, что жить пора.
Брать сухой, каленый воздух,
Ночь июльскую во мгле,
Звезды собирая в гроздь, —
Тлеть на угольной золе,
Раздвигая все туманы,
Сны — в далеком голубом,
Даже если нас — не станет,
Даже если ясный гром
Лист кленовый, ключ небесный
Без утайки в руки даст,
Здесь и раньше было тесно,

Здесь другая благодать:
Всех кропит бесслезной мукой,
Немо трогает висок,
Сердца золотые звуки
Цедит мертвенно в песок.
Тонким корнем прорастает
В бессловесный шепот сна,
Здесь друг друга все — не знают,
Здесь такие времена,
От которых муки — злее,
От которых зверь — молчит,
Может, солнце здесь теплее,
Сердце больше не болит?
И не спрашивает больше,
Из каких таких времен
Дни былые стали горше,
Стал длиннее старый сон,—
Узнаваем в узкий профиль
Нарисованных дождей,
Здесь с меня однажды спросят
Беспоощадностью своей.

* * *

Там, где время в плену одиночества,
Где холодного света лишь — чуть,
Где последнее в мире пророчество
Отпускают, безгрешное, в путь
Белым голубем с крыши на улицу
Выпить воздуха, выпить вина...
Не оно ли в потемках сутулится
И не с ним ли мои времена?
Те, что сцежены каплей за каплею,
Те, что травлены ядом-свинцом,
Те, что, боже, никак не раскаются,
Но стыдливо стоят под венцом,
Словно дева,— окутаны ладаном,
В белом шлейфе — все ночи подряд,
Времена, вы сегодня оправданы,
Не на суд, а в пылающий сад
Отведут, чтобы солнце пунцовое,
Разморенное, зрело в ветвях,
Времена, где все старое — новое
В перечеркнутых черновиках.
Через край уже пенятся веснами,
Вербным пухом ложатся на грудь,
Невесомыми птичьими веслами
Метят небо и солнечный круг.

* * *

Пухом вербы серебрится
Ночь на краешке стола.
Мне сегодня эхом длиться,

Уходя за зеркала,
Уводя в полон зеркальный
Детский лепет, сладкий сон,
Башмачок с ноги хрустальный
Обронить, не слыша звон
Всех земных часов — в двенадцать,
Вспомнить — я еще жива...
Только с кем же целоваться
И кому дарить слова:
Легче пуха на ладони,
Молчаливее луны,
В по ветру летящих кронах
Грамм лунной тишины
По песчинке сыпать в блюдо,
Вить серебряную нить...
Зеркала на счастье бьются,
Чтобы сердцу дальше — жить.
Длиться эхом, счастьем немо
В ветвях вербы серебрясь,
Голубиной легкой тенью
Целоваться с ночью всласть.
Отпускать на волю время,
Слушать, как звучат шаги,
Как в ночи возрастает семя
Серебристое с руки.

* * *

Брать горстями тишину,
Окуная в лед и в пламень,
Сонно рыбой в глубину
Уходить легко и плавно,
Слушать, как звенит она
Каплею за каплей с крыши...
Из открытого окна
Голуби взлетают выше
Синей кромки голубой,
Весь апрель переиначив,
В дреме тающий покой
Тишиной дают на сдачу
Так обманчиво легко,
Беззастенчиво и сладко —
Будто в небе высоко
Все сбылось своим порядком
Жадно, сонно в глубине
Отраженных вод небесных,
Словно этой тишине
Стало вдруг внезапно тесно
Там, у бога под рукой
Серебристой юркой рыбкой
Ждать, тревожа синевой
Золотые неба слитки.

Олеся Маматкулова
(г. Алексин)

НОЧЬ

Родилась в городе Щекине Тульской области в 1980 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. С 2002 года живет в городе Алексине и работает учителем биологии в сельской школе.

НОЧЬ

Распахнула ночь-торговка
Свой заманчивый ларец,
В небесах рассыпав ловко
Мириады звезд-колец.

Драгоценные витрины,
Подсветила ночь луной,
О, алмазы и рубины,
Вы пленяете собой!

Янтари и изумруды,
Каждый их достать бы рад!
Дорогих камней-груд
Завораживает взгляд.

* * *

Убегу в лучезарное поле,
Где волнуется спелая рожь.
Ах, ты волюшка, вольная воля!
Без тебя жизнь не стоит и грош!

Упаду я в колосья златые,
Их вдохну колдовской аромат.
Ах, вы годы мои молодые,
Словно вишен коралловый сад!

Пригублю я янтарные зерна,
Красотою земли подивлюсь.
До чего ж хороша и просторна
Моя милая матушка Русь!

ИЮНЬ 1941 ГОДА

В то утро также пели птицы,
Шептались травы на полях,
Катилась зорьки колесница,
Дышала свежестью земля.

Горели также ярко росы,
И шли влюбленные домой,
И белоствольные березы
Им шелестели вслед листвою.

Все также реченька журчала,
Ласкали волны валуны.
И ничего не предвещало
Все искалечившей войны...

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

В самом центре России огромной
Уголочек, похожий на рай,
Притаился в величии скромном
Милый сердцу зеленый мой край.
Твои реки, поля и дубравы,
Перелески, закатов огни...
Ах, как вятичи были правы,
Когда здесь поселились они!
Как нигде твои дали просторны.
В том особая прелесть твоя!
И как вешние воды проворны,
Как заливица трель соловья!
И ни раз было в песнях воспето
Благолепие, что есть в тебе.
И за то, что я вижу все это
Благодарна на веки судьбе!
Это ты вдохновлял на творенья.
Репин, Шишкин, Тургенев, Толстой
На века для других поколений
Воссоздали твой облик благой.
Твои пряники и самовары,
И оружие, и слава людей...
Ты опора Российской державы!
Наша гордость! Ты всех нам милей!
И всем сердцем к тебе я прильнула,
И не нужен мне берег иной.
Тульский край, моя милая Тула —
Уголочек землицы родной!

ЛУНА

Когда совет ночь тьмы узор
Из серых сумрачных ветвей,
Луна свой белоликий взор
Направит в царствие теней.

Заглянет в замок — тьмы создание,
Войдет в огромный чудный зал.
И темноты ночной преданья
Развеет, лишь начнется бал.

Разрушит призрачные своды,
И растворятся тени вмиг,
Так торжество ночной природы
Украсит лунный золотник.

По всей округе разметает
Цветных камней дивный свет.
И только лишь к утру растает,
Когда луну сожжет рассвет.

Геннадий Азанов
(г. Екатеринбург)

РЕКА ПАМЯТИ

Родился в 1938 г. в д. Красногорка Уинского района Пермской области. В 1957 г. окончил Молотовский горный техникум и трудовую деятельность начал в г. Щекине электрослесарем в шахтостроительном управлении № 1 треста «Тулауглестрой». Затем четыре года отслужил на Северном флоте на крейсере «Октябрьская революция» и после службы поступил в Нижнетагильский педагогический институт на художественно-графический факультет. Но пристрастие к общественной деятельности увело с педагогической стези на комсомольскую, а затем и партийную работу. В 1977 году закончил ВПШ при ЦК КПСС. Спустя несколько лет защитил кандидатскую диссертацию по истории. Преподавал в Уральской академии госслужбы, работал на различных должностях в органах государственного управления Свердловской области. Творческий потенциал, не реализованный в изобразительной деятельности, в какой-то мере проявился в стихосложении. Издал четыре сборника стихов: «Бессонница» (1998 г.), «Прохлада осени» (2003), «Встреча друзей» (2006), «Возвращение к родникам» (2008). Стихи печатаются в альманахах «Московский Парнас», «Поэтический марафон» (Екатеринбург), журнале «Приокские зори».

РЕКА ПАМЯТИ

Какая сила нас влечет
К тем далям временем поросшим,
Где по лугам и через рощи
Речушка малая течет?

Где избы старых деревень,
Вспоивших нас медяным соком,
Глядят глазами грустных окон
В сегодняшний неясный день.

Деревня, милая, прости.
Сюда я приезжаю редко,
Чтоб поклониться праху предков
Иль просто душу отвести.

А здесь — как много лет назад:
У речки берег невысокий,
Тропа, заросшая осокой,
И еле слышный водопад.

И эти старые корни,
Речной омытые волной,
Как странные мои сомненья:
Со мной то было, не со мной?

Встают из времени былого
Одна картина за другой:
Вот здесь когда-то из ночного
Вели коней на водопой.

За той излучиной у ивы
Весной вязали мы плоты...
Бежит река неторопливо,
А сколько ж утекло воды.

Где те стремительные кони?
Где босоногие друзья?
Воспоминанья — не погоня:
Здесь можно все, одно нельзя —

Нельзя умчавшееся время
Догнать. Вернуть. И вновь прожить.
Несовершенное свершить
И роковых ошибок бремя

Отринуть прочь, увы, нельзя...
В пространстве жизни, словно речка,
Уже прочерчена навечно
Судьбы неровная стезя.

ХВАЛА БЕСПЕЧНЫМ

При смене вех лишиться головы немудрено,
Хоть гильотины век — забавы бессердечных —
Казалось бы, прошел уже давно,
Но снятие голов — занятие из вечных.

Да, в наши дни оно отменено,
Поскольку в череде событий быстротечных
Быть обезглавленным судьбой отведено
Всем гражданам из племени беспечных.

А нас, беспечных, ох, какая рать,
И головы чтоб всем не отрубать,
Различных средств придумано немало:

Промыть мозги иль враз повышибать —
Пустоголовыми все легче управлять.
А их, коль посчитать, довольно много стало.

АЛЕШКА

*«Мамка родненькая!
Как я соскучился по тебе — ужасно...
Моя миленькая мамка. Я так часто
вспоминаю тебя. И дворик наш...»*
(Из солдатских писем. 14 января 2000 г.,
Парламентская газета)

Называют войну зачисткой,
А от этого горше стократ —
Там, в Чечне, от Урала неблизкой,
Был убит молодой солдат.
А солдатские к матери письма
Шли и шли еще день за днем.
Мать вздыхала, их перелистывая,
Об Алешке, сыночке своем.
А Алешка писал о встрече,
Да о том, чтоб Наташка ждала...
Но взорвал все проклятый вечер,
Когда скорбная весть пришла.

Почернело все, почернело.
Провалилась земля из-под ног.
Потеряла мать все, что имела.
— Провинился ты в чем, сынок?
Перед Богом ли, если тот
Где-то есть — и святой, и правый?
Перед миром ли, или вот
Перед теми, кто миром правит?
Не по ним та рванула мина,
Не позор для них — страшный конфуз:
Провожала мать в армию сына,
А вернули ей «цинковый груз».

В путь последний... «цинк» провожали:
Не смогла мать на сына взглянуть,
Над могилой речи держали,
Словно в вечность торили путь.
Грустно высились сосны окрест.
Эхом ухала залпов дробь,
И военный играл оркестр,
Разливая медную скорбь.

Боевые друзья, стерпев,
Боль в сердцах своих унесли.
Лишь стояла мать, онемев,
Над пригорком мерзлой земли.
Что ей вечность? Ее-то век
Закопали здесь, в черный снег.
Нет Алешки. И в сорок лет
Нет для матери жизни. Нет.

Президентов слова пусты.
Генеральские звезды слепят.
И встают рядами кресты
На могилах российских ребят.

СЛУШАЙ ЖЕ, ВЕТЕР

Все уже спят, только ветер беспутный
То в проводах загудит, то в окно постучит бестолково.
Мне собеседника на ночь такого
Хватит, чтоб с ним до утра по душам говорить.
В спальне моей по-ночному уютной
Стрелки минутной мы бег не заметим во мгле,
Лишь перламутром в оконном стекле
Звезд мишура будет в танце вселенском кружить.

«Что,— скажет ветер,— вы сделали с вашей страной,
Буря над ней пронеслась, только я не повинен —
В этой разрухе злой умысел виден —
Я же в России зла не творил никогда.
Я беспощаден бываю и это не скрою,
Шлю на другие народы и страны цунами,
Вы же, как Трою, разрушили сами,
Сбросив державу с вершины свою в никуда».

Я размышляю, что ветру ответить — не знаю,
Сам я страдаю от этой шальной катастрофы,
Боль моя ляжет в ночные неровные строфы,
Чем же России еще я сумею помочь?
Кто ж олигархов надменную, алчную стаю —
Бог ли в отместку иль дьявол в награду
Нам ниспослал, и страна уподобилась аду,
Тихо сползая в вульгарную, пошлую ночь.

— Слушай же, ветер, ты вездесущ, и всезнающ,
Жить будешь вечно и, значит, увидишь
Русский язык, иль китайский, иль идиш
Правнуки наши по азбуке будут учить.
Я же хочу, чтобы слово «товарищ»
Вновь зазвучало по-русски, как прежде,
Дай же хоть малую долю надежде,
Ты ж понимаешь,— с надеждою легче бороться и жить.

МОСТЫ

Мосты сжигают те, кто отступает,
А я еще к отходу не готов.
А потому я снова воздвигаю
Опоры уводящих в даль мостов.

А там, вдали, я вижу, ярко светят
Огни еще неведомых миров,
Пусть меня не хлебом-солью встретят,
Но только бы не звоном топоров.

Я не хочу в грядущем новой сечи.
Я не хочу раздоров и утрат.
Пусть каждый встречный руки мне на плечи
Положит доверительно, как брат.

Я вдаль стремлюсь не ради новой славы,
И старой славе не был я сродни.
Но навожу я снова переправы
Туда, где светят яркие огни.

Там царствует любовь и путь закрыт
Предательству, невежеству и лести.
Там стол всегда по-дружески накрыт
Для рыцарей достоинства и чести.

Там вновь Россия братьев соберет.
Отступят боль и зависть, и укоры.
Но, чтобы дальше двигаться вперед,
Нам надо вместе возводить опоры —

Опоры для согласия, счастья, мира.
Законы братства ясны и просты:
Не надо никого «мочить в сортирах»,
Не надо разрушать мосты.

Татьяна Леонова
(г. Щекино)

МОЛЬБА

Татьяна Леонова (Абинякина) родилась в г. Ставрополе. Стихи пишет с раннего детства. Издано одиннадцать сборников стихов. На многие стихотворения как самой, так и другими композиторами, написаны песни. Член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Союза песенников России. Имеет сайт в Интернете: «Поэзия Татьяны Леоновой»: <http://leo.genmir.ru>. В настоящее время живет в городе Щекине, Тульской области, вблизи Ясной Поляны.

МОЛЬБА

Господи, петъ научи о Россii,
О православной Россii святой,
Той, что небесно-лазурные сини
На купола пролила красотой,

Той, что светильники-храмы восставила
И приготовилась трепетно ждать
Духа Святого, что прежде оставила,
Божью милость и благодать!

Господи, дай мне любовью проникнуться,
Тою, что память о Небе хранит!
Дай мне с Твоею лишь волею свыкнуться,
Дай мне терпенья, как скалам гранит!

Господи, дай моей ласковой Родине,
Где родники — как от Неба ключи!
Дай распрощаться со всеми невзгодами,
Сердце подставив под Божьи лучи!

Господи, дай мне пропеть о Россii,
Милой Россii дубрав и берез,
Той, что проявится в Славе и Силе
В нас покаяньем исторгнутых слез!

* * *

Давно такой от счастья пьяной
Я не была!
Мы шли — и Ясная Поляна
Вокруг цвела.

Купалась в облаках сиреней
Небесна хлябь,
И ветки кленов отсырели,
По речке рябь.

Дождем с небес и даже градом
Шла благодать!
Вот так же близко, вместе, рядом
Века б шагать...

Давно такой от счастья пьяной
Я не была.
Мы шли — и Ясная Поляна
В душе цвела...

* * *

Из несвободы — на простор,
Где мокрый луг и запах пашни,
Где по оврагам снег вчерашний,
И птиц счастливый разговор.

Где зелень свежая манит,
Стремясь на свет и воскресая,
Где аромат земли, касаясь,
И будоражит, и пьянит.

Где я счастливая сольюсь
С ручьем, былинкой, клейкой почкой,
Родившимся вчера листочком,
К Творцу молитвенно склонюсь!

Там, где воспрянув ото сна,
Все к жизни пробудилось снова,
И мокрой веткою ивовой
Приходит новая весна.

* * *

Когда проснувшись ранним утром
Я выбегу навстречу солнцу,
Своим лучом золотомудрым
Оно души моей коснется.

И звонким эхом голосистым
Ему природа отзовется,
Сияя отсветом лучистым,
В росинке каждой разольется.

Когда в росистую прохладу
Ступни босые окунутся,
Земной наполнюсь я отрадой,
Дав каждой клеточке проснуться!

И отражаясь единеньем,
Земли и неба, звезд и солнца,
Постигнув радости мгновенья,
Я вечность счастья пью до донца.

ФЕВРАЛЬ

Розовые пряники — дома,
Утопают в сахарных сугробах,
На дороге галок кутерьма —
Сладко, как за пазухой у Бога.
Оставляю на снегу свой след,
Наслаждаюсь ветром и свободой
Вместо тени прошлой — нынче свет
Радует надеждой и погодой!
Я живу предчувствием весны,
Кровь по жилам снова колобродит!
Шустрый зяблик на ветвях сосны
В такт моей мелодию выводит.

* * *

В период тягостных невзгод
Судьба мне подарила встречу...
И мнился мне рассветом вечер,
Закат сменивший на восход.

Клубился пожелтевший лес
Березовыми облаками...
И мы с сомкнутыми руками
Купались в синеве небес...

А над зеркальностью пруда,
Как паутины, проплывали
Багряной осени вуали
Из ниоткуда — в никуда...

Обрушась водопадом слов,
В стихи переплавлялась проза,
И проступали счастья слезы
От постижения основ!..

* * *

На фоне увядающего сада,
Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

И что-то запредельное мечталось
В ее переплетеньях и изгибах,
Как будто чья-то здесь душа металась
И вдруг, похолодевшая, застыла.

Но сквозь скульптурное отображенье
Ее смиренья, бунта и страданий
Пульсирует в ветвях огня движенье,
Как вечная основа мирозданья.

На фоне увядающего сада,
Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

Геннадий Мирошниченко
(г. Щекино)

Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) — автор 30 книг. Предложил объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности природы и ввел новую, критериальную форму сознания. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР заняла первое место. Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов. Свои произведения публикует в Интернете в своем портале: <http://genmir.ru>. В настоящее время живет в городе Щекине, Тульской области.

РОССИЯ

Я прохожу Поляной Ясной.
Хочу, чтоб жизнь была прекрасной,
Хочу сиянья голубого
Над полем с запахом весны.
Хочу, чтобы и наши дети
Встречали Солнце на рассвете,
И чтоб они — страны солдаты —
Не знали ужаса войны.

Непокоренная Россия!
Я утром сказочным, росистым
По травам с красной земляникой
Благою вестью пролечу.
И со щеки смахну украдкой
Слезу — от муки сердца сладкой,
И в Храме утреннем во зравье
Затеплю тонкую свечу.

Мне бы стихи слагать поныне,
А я печалюсь, как иные.
И в сумерках весенней тишью,
Опять внимая соловью,
Я вспоминаю тех, кто пели —
Не победили, не успели.
Пред ними в память о прошедшем
Покорно голову склоню.

Я прохожу Поляной Ясной,
Где жизнь не кажется напрасной —
Ведь там за каждым поворотом
Великий чудится старик.
И мир таинственный, летящий,
Нам о величье говорящий,
К окошкам нашего безмолвья
В любви и нежности приник.

Эх, взять бы в рай вот эту траву,
Вот эту речку и дубраву!
И жить бы в этом рае просто
И каждый день встречать зарю!
Да только, кто за нас ответит?
Кто Будущего свет засветит?
Кто за Россию и за Бога
Отдаст себя и жизнь свою?

ВОЗДВИГНИ ХРАМ

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И — Бог, и — тишь, а кроме, — ничего.

Воздвигни храм. Остаться можешь в нем.
Под сень его сойдут родные души,
Кто помогал тебе по жизни быть все лучше,
Терпенье дал преодолеть подъем.

Построй свой храм. Земля и Небо — он.
И будь всегда готов зайти под крышу.
Настрой себя, чтоб Голос Бога слышать,
Не говори, что это только сон.

Придет болезнь, а с нею — и покой.
Исчезнут навсегда пустые гонки,
Чтоб насладиться жизни эхом звонким,
До бесконечности дотронуться рукой.

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И — Бог, и — тишь, а кроме, — ничего.

ПОЛЕНОВО

Ты помнишь даль? — Ока дугою,
И с косогора над рекой,

Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

Ты помнишь? — Лист багряно-желтый
И кленов сказочный парад,
И свой, восторга полный, шепот,
И свой же благодарный взгляд.

Мы, как бродяги-пилигримы,
Переносили не без слез
Мир песни, гением творимый,
Под сень раскидистых берез.

Я каждой ночью вижу тени,
Где средь просторов и Земли
На сказку Жизни мы глядели
И надышаться не могли.

Мы выбираем средь живущих,
Пока живем, свой Небосвод,
Где — шум берез и счастье льющий
Поток Любви — Небесных Вод.

Ты помнишь даль? — Ока дугою,
И с косягора над рекой,
Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

КРЕСТ

Кричат таким, как мы, со всех сторон:
«Пророки не нужны, мы их засудим!».
Мы — «Лже-Христы», такие же, как Он,
И так же на Кресте распяты будем.

Нам кажется, что вот — пришла пора,
И в счастье захлебнемся — только верьте!
Ну что с того, что Он хотел добра?!
Две тыщи лет Его хотели смерти!

Толь в Небе, толь в себе карает Бог. —
Здесь, на Земле, спасает кодекс чести.
Любить врагов еще никто не смог,
И отказаться не смогли от мести.

Как Он, я бит, и так, как Он, гоним
И с теми, кто любим, Крест на Голгофе вую.
Я собираю камни вместе с Ним —
И чувствую себя несчастным втрое...

* * *

Я существую номинально,
Я только — в списке поминальном,
И в бесконечности Реки
Всего-то в качестве строки.

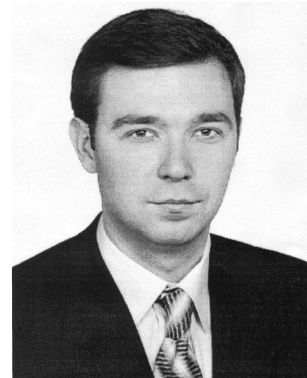
Уже не телом, а мечтою —
Я в церкви восковой свечою
Всего на час и оживаю
И, загораясь, доживаю.

Но где-то в сладостном пространстве
И в том бескрайнем постоянстве
Блаженством душ опять лечу
Навстречу Белому лучу.

Я знаю: там соединенье,
Всех наших душ и воля стремленье.
И там — Хозяин и Мудрец
В Любви — Небесный наш Отец.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ЛЕГКОЙ МУЗЫКОЙ ЛЕТА

Легкой музыкой лета
Навеяло чью-то любовь,
Ароматом цветов,
Трав душистых цветеньем,
Дымкой утренних снов
И простором бескрайних лугов,
И души запоздалым прозреньем,
И желаньем себя по-другому понять,
Сбросив суетность будней,
Как путы, сдавившие сердце.
Захотелось любовью, как воздухом, снова дышать.
И гореть ею. И, не сгорая, согреться.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ЗАРЕЗЦОВКИ С УСМЕШКОЙ

СВЕЧЕЧКИ

Сделаны задания,
Рюкзаки уложены.
Мама, до свидания!
Сколько троп — нехожены!
И стучат сердечечки,
Что часы вокзальные:
Ждут мальчишек речечки
И дороги дальние...

Роз букеты яркие.
Пылкое признание.
Ласк объятья жаркие —
Счастья обещание.
В знак любви — колечечки,
Кольца обручальные.
Зажигайтесь, свечечки,
Свечечки венчальные!..

...Годы, тем не менее...
Все, как полагается:
Прыгает давление,
Сердце спотыкается.
Что теперь колечечки?
Что дороги дальние?
Покупайте свечечки
Геморроидальные...

ВОТ ТАК ЕЛКА!

*«Воспитанный и трезвый дед Мороз и Снегурочка...
Специальное новогоднее предложение...»
(Обрывок объявления)*

1

Воспитанный и трезвый дед Мороз
С Снегурочкой (анализы в порядке)
Подарков новогодних целый воз
Доставят тридцать первого, ребятки!
За свой визит недорого возьмут,
С детишками покружат в хороводе.
Родители по маленькой нальют
За Новый год и что-то в этом роде.

2

...Игривый и лукавый дед Мороз;
Снегурочка — само очарованье!
Они хозяев рассмешат до слез
И сбациают «Семь-сорок» на баяне.
Еще хозяйка с дедом по чуть-чуть.
Хозяин со Снегуркой — в страстном танго.
И то, что лихо принято на грудь,
Уже не запивают соком манго.

3

...Давно не вяжет лыка дед Мороз.
Снегурочке давно не до морали.
Они пошли с хозяином вразнос:
Хозяйку — к теще с детками услали!
Вот это да! Вот это Новый год!
Такого не увидишь и в «Плейбое»!
За стенкой содрогается народ
От этих визгов, топота и воя.

4

Вот вам Снегурка! Вот вам дед Мороз!
Вот вам и поздравленье с Новым годом!
Год Старый мало радости принес,
А Новый начинается разводом.
Мораль проста. Ее уразумей —
И накрепко, а то не будет толку:
Воистину, не можешь пить — не пей,
Чтоб не заполнить такую елку!

* * *

Мерещится с утра вам черт-те что:
Мол, вас толкнули, словом оскорбили.
В руках ножа, по счастью, нет, а то
Меня б вы тут же зверски и убили.

Вселился в вас какой-то крокодил.
Такой несносной были вы едва ли.
Хотел бы знать я, где вы ночевали,
Кто тот нахал, что вам не угодил...

* * *

Полно парить юноше мозги!
Говори поменьше, вполноги:
Он без назиданий — перебьется,—
Это же не мед, не пироги!

Оседлал мустанга, и невмочь
Не трандеть тебе и день, и ночь
Про дела Аники-полководца...
Хватит воду в ступе-то толочь!

Что известно Богу одному,
Не постичь убогому уму.
Ну, а ты ж — мудрец, большая птица,—
Ты нам растолкуешь, что к чему...

Сам-то будто понимаешь, что ль,
В чем твоих нравоучений соль?..
Так захлопнись и, как говорится,
Водку пьешь — закусывать изволь!

ПРО ПОЭТА

Успехом и вниманьем обогрет
(И может быть, не слишком трезвый где-то),
Поэт вороной каркнул: «Я — ПОЭТ!»
И все. Привет. То был конец поэта.

